

ЭЛИНОР ПОРТЕР

ПОЛИАНА

АУДИОТЕАТР ДЕМИДОВА

Элино́р Порте́р Поллиа́нна

<https://litres.ru/74683859>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осиротевшая Поллианна приезжает к строгой тётушке и приносит в городок свою «игру в радость» — умение находить хорошее во всём. Знаменитая повесть в новом переводе.

Перевод: Михаил Демидов

Содержание

Глава первая. Мисс Полли	4
Глава вторая. Старый Том и Нэнси	10
Глава третья. Приезд Поллианны	15
Глава четвёртая. Маленькая комната на чердаке	25
Глава пятая. Игра	36
Глава шестая. Вопрос долга	43
Глава седьмая. Поллианна и наказания	55
Глава восьмая. Поллианна идёт в гости	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Элино́р Порте́р

Поллианна

Глава первая. Мисс Полли

В это июньское утро мисс Полли Харрингтон вошла на кухню чуть поспешнее обычного. Обычно мисс Полли никуда не торопилась и особенно гордилась своей степенной манерой держаться. Но сегодня она спешила — и в самом деле спешила.

Нэнси, мывшая посуду у раковины, удивлённо подняла голову. Она служила у мисс Полли всего два месяца, но уже знала: её хозяйка не из тех, кто спешит.

— Нэнси!

— Да, мэм, — весело отозвалась Нэнси, продолжая вытирать кувшин.

— Нэнси, — голос мисс Полли стал очень строгим, — когда я с тобой разговариваю, оставь работу и слушай, что я говорю.

Нэнси мучительно покраснела. Она тут же поставила кувшин, не сняв с него тряпку, и едва его не опрокинула. От этого она растерялась ещё больше.

— Да, мэм. Конечно, мэм, — пролепетала она, поправляя кувшин и торопливо оборачиваясь. — Я только потому

и продолжала, что вы же сами нынче утром велели мне поскорее управиться с посудой.

Хозяйка нахмурилась.

— Довольно, Нэнси. Я не просила объяснений. Я попросила тебя слушать.

— Да, мэм. — Нэнси подавила вздох. Удастся ли ей когда-нибудь хоть чем-нибудь угодить этой женщине? Прежде Нэнси никогда не служила в чужом доме. Но мать болела и внезапно осталась вдовой с четырьмя детьми, трое из которых были младше Нэнси. Девушке пришлось помогать содержать семью. Как же она обрадовалась, когда её взяли на кухню большого дома на холме! Нэнси приехала из Корнерса, что в шести милях отсюда, и тогда знала о мисс Полли Харрингтон лишь то, что та владеет старой усадьбой Харрингтонов и принадлежит к числу самых богатых жителей города. Это было два месяца назад. Теперь Нэнси знала мисс Полли как суровую женщину с суровым лицом: та хмурилась, если нож с грохотом падал на пол или хлопала дверь, но и улыбнуться ей не приходило в голову, даже когда ножи не падали и двери не хлопали.

— Когда закончишь утреннюю работу, Нэнси, — говорила тем временем мисс Полли, — освободи маленькую комнату у лестницы на чердаке и застели кровать. Вынесешь сундуки и коробки, потом, разумеется, подметёшь и уберёшь комнату.

— Да, мэм. А куда, скажите, поставить вещи, которые я

оттуда вынесу?

— В переднюю часть чердака. — Мисс Полли помедлила и продолжила: — Пожалуй, можно сказать тебе сейчас, Нэнси. Ко мне приезжает жить моя племянница, мисс Поллианна Уиттиер. Ей одиннадцать лет, и спать она будет в этой комнате.

— Девочка — сюда, мисс Харрингтон? Ой, как же это хорошо! — воскликнула Нэнси, вспомнив, сколько света приносят в их дом в Корнерсе её младшие сестрёнки.

— Хорошо? Я бы не стала так говорить, — чопорно ответила мисс Полли. — Во всяком случае, я постараюсь всё устроить как можно лучше. Надеюсь, я порядочная женщина и знаю свой долг.

Нэнси жарко покраснела.

— Ну конечно, мэм. Я только подумала, что девочка могла бы... могла бы оживить ваш дом, — запинаясь, проговорила она.

— Благодарю, — сухо отозвалась мисс Полли. — Правда, я не вижу, чтобы в этом была какая-либо необходимость.

— Но ведь она же... она же дочь вашей сестры. Вы, наверное, хотите, чтобы она приехала, — рискнула сказать Нэнси. Ей смутно казалось, что кто-то должен приготовить для этой одинокой девочки тёплый приём.

Мисс Полли надменно вскинула подбородок.

— Право же, Нэнси, если моей сестре хватило глупости выйти замуж и произвести на свет детей, без которых мир,

и так довольно тесный, вполне мог бы обойтись, я не понимаю, почему мне должно особенно ХОТЕТЬСЯ заботиться о них. Однако, как я уже сказала, надеюсь, я знаю свой долг. Смотри как следует вычисти углы, Нэнси, — резко добавила она и вышла.

— Да, мэм, — вздохнула Нэнси и взяла недосушенный кувшин. Он уже успел остыть, так что теперь его придётся ополаскивать снова.

У себя в комнате мисс Полли ещё раз достала письмо, полученное два дня назад из далёкого городка на Западе. Письмо стало для неё весьма неприятным сюрпризом. На конверте значилось: «Мисс Полли Харрингтон, Белдингсвилл, штат Вермонт». Внутри было написано:

«Уважаемая госпожа! С прискорбием сообщаю Вам, что две недели назад скончался преподобный Джон Уиттиер. После него осталась дочь одиннадцати лет. Кроме нескольких книг, он почти ничего не оставил: как Вам, несомненно, известно, он был пастором небольшой миссионерской церкви и получал весьма скромное жалованье.

«Насколько я понимаю, он был мужем Вашей покойной сестры, хотя, по его словам, отношения между семьями складывались не лучшим образом. И всё же он полагал, что ради сестры Вы, возможно, захотите взять девочку к себе и вырастить её среди родных на Востоке. Поэтому я и пишу Вам.

«К тому времени, как Вы получите это письмо, девочка будет готова к отъезду. Если Вы можете её принять, мы бы-

ли бы Вам весьма признательны за скорый ответ: здесь живут муж с женой, которые вскоре отправятся на Восток. Они довезут её до Бостона и посадят на поезд до Белдингсвилла. Разумеется, мы сообщим Вам, в какой день и каким поездом прибудет Поллианна.

«Надеюсь вскоре получить от Вас благоприятный ответ.

«С уважением,

«Джеремая О. Уайт».

Нахмурившись, мисс Полли сложила письмо и убрала в конверт. Накануне она уже ответила, что, разумеется, возьмёт девочку. Она НАДЕЯЛАСЬ, что достаточно хорошо знает свой долг, чтобы поступить именно так! Как бы неприятно ей это ни было.

Теперь, сидя с письмом в руках, мисс Полли вспоминала свою сестру Дженни, мать девочки, и то время, когда двадцатилетняя Дженни вопреки возражениям родных настояла на свадьбе с молодым священником. За неё сватался богатый человек, и семье он нравился куда больше священника. Но Дженни думала иначе. Богач был и старше, и богаче, а у священника были лишь голова, полная юношеских идеалов и пыла, да сердце, полное любви. Дженни предпочла именно это — пожалуй, вполне естественно. Она вышла замуж за священника и уехала с ним на юг, где он служил миссионером.

Тогда семья и порвала с ней. Мисс Полли хорошо это помнила, хотя в ту пору ей было всего пятнадцать и она была

младшей в семье. С женой миссионера родные почти перестали общаться. Правда, Дженни ещё некоторое время писала им и назвала своего последнего ребёнка Поллианной — в честь двух сестёр, Полли и Анны. Все её дети, родившиеся прежде, умерли. После этого Дженни больше не писала, а через несколько лет пришла весть о её смерти: сам священник написал короткую, полную горя записку из небольшого городка на Западе.

Тем временем и для обитателей большого дома на холме жизнь не стояла на месте. Глядя из окна на долину, уходившую вдаль, мисс Полли думала о том, сколько перемен принесли ей эти двадцать пять лет.

Теперь ей было сорок, и она осталась совсем одна. Отец, мать, сёстры — все умерли. Уже много лет она одна распоряджалась домом и тысячами, оставленными ей отцом. Некоторые открыто жалели её за одинокую жизнь и советовали поселить у себя подругу или компаньонку. Но их сочувствие и советы мисс Полли отвергала. Она говорила, что не чувствует себя одинокой. Ей нравилось жить одной. Она любила тишину. Но теперь...

Мисс Полли поднялась, нахмурившись и плотно сжав губы. Конечно, она радовалась тому, что она порядочная женщина: она не только знает свой долг, но и обладает достаточной твёрдостью характера, чтобы его исполнить. Но... ПОЛЛИАННА! Что за нелепое имя!

Глава вторая. Старый Том и Нэнси

В маленькой комнате на чердаке Нэнси усердно подметала и драила пол, особенно тщательно вычищая углы. По правде сказать, иной раз она работала так рьяно не столько ради чистоты, сколько чтобы дать выход чувствам: при всей своей робости перед хозяйкой Нэнси была далеко не святой.

— Вот бы так же вычистить углы у неё в душе! — бормотала она, подкрепляя каждое слово яростным тычком заострённой палочки. — Там есть что выскрести, ещё как есть! Подумать только: поселить бедную девочку под самой крышей, в этой душной каморке! А зимой тут и не топят. И это когда в большом доме комнат сколько хочешь! «Лишние дети», скажите пожалуйста! — фыркнула Нэнси и так выкрутила тряпку, что у неё заболели пальцы. — По-моему, сейчас вовсе не дети тут самые лишние! Вовсе не дети!

Некоторое время она работала молча. Закончив, Нэнси оглядела пустую комнатушку с нескрываемым отвращением.

— Ну вот, своё дело я сделала, — вздохнула она. — Грязи тут больше нет. Да и вообще тут почти ничего нет. Бедная малышка! Нашли куда поселить одинокого ребёнка, который тоскует по дому! — Нэнси вышла и с грохотом захлопнула дверь. — Ой! — Она прикусила губу, но тут же упрямо добавила: — А мне всё равно. Надеюсь, мисс Полли слышала, как хлопнула дверь. Пусть слышит!

После обеда Нэнси удалось на несколько минут задержать в саду старого Тома. Уже бессчётное число лет он полол сорняки и расчищал лопатой дорожки вокруг дома.

— Мистер Том, — начала Нэнси, быстро оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что их никто не видит, — вы знаете, что к мисс Полли приедет жить маленькая девочка?

— Кто приедет? — переспросил старик, с трудом разгибая спину.

— Маленькая девочка. Она будет жить у мисс Полли.

— Ну и шуточки у тебя! — недоверчиво хмыкнул Том. — Может, ещё скажешь, что завтра солнце на востоке сядет?

— Да правда это! Сама мисс Полли мне сказала, — настаивала Нэнси. — Девочка ей племянница. Ей одиннадцать лет.

У старика отвисла челюсть.

— Вот те на... Неужто... — пробормотал он, и его поблёкшие глаза вдруг потеплели. — Да ведь это, должно быть, дочка мисс Дженни! Никто из остальных сестёр замуж не выходил. Нэнси, это же дочка мисс Дженни! Слава богу! Не думал, что доведётся мне её увидеть!

— А кто такая мисс Дженни?

— Ангел, прямо с небес спустившийся, — с горячностью выдохнул старик. — А хозяин с хозяйкой звали её своей старшей дочерью. В двадцать лет она вышла замуж и уехала отсюда. Давно это было. Я слышал, все её дети умерли, кроме последнего ребёнка. Стало быть, он-то и приедет.

— Ей одиннадцать лет.

— Да, пожалуй, столько ей и должно быть, — кивнул старик.

— А спать ей придётся на чердаке! Стыдно должно быть мисс Полли! — возмутилась Нэнси и снова покосилась через плечо на дом.

Старый Том нахмурился. Но уже через мгновение губы его тронула странная улыбка.

— Любопытно, что мисс Полли станет делать, когда в доме появится ребёнок, — сказал он.

— Ха! А мне любопытно, что ребёнок станет делать, когда в доме есть мисс Полли! — отрезала Нэнси.

Старик рассмеялся.

— Похоже, ты нашу мисс Полли не жалуешь, — усмехнулся он.

— Да разве её вообще можно любить? — презрительно бросила Нэнси.

Старый Том как-то странно улыбнулся, нагнулся и снова принялся за работу.

— Видать, ты не знаешь, что у мисс Полли когда-то был роман, — медленно произнёс он.

— Роман? У неё? Ну уж нет! Небось никто об этом и не слышал.

— А вот слышали, — кивнул старик. — И тот человек по сей день жив. Здесь, в нашем городе.

— Кто же он?

— Этого я не скажу. Не мне о таком рассказывать. — Старик выпрямился и взглянул на дом. В его тускло-голубых глазах светилась честная гордость верного слуги за семью, которой он много лет служил и которую любил.

— Всё равно не верится: мисс Полли — и влюблённый в неё человек, — не сдавалась Нэнси.

Старый Том покачал головой.

— Ты не знала мисс Полли такой, какой знал её я, — возразил он. — Она была настоящей красавицей. Да и сейчас была бы, если б только сама себе позволила.

— Красавицей? Мисс Полли?

— Ну да. Распусти она волосы, что теперь так туго стягивает, оставь их лежать свободно, как бывало прежде, надень шляпку с цветами да белое платье с кружевами — сама бы увидела, какая она красавица! Мисс Полли ещё не старая, Нэнси.

— Не старая? А притворяется так здорово, что не отличишь! Вот уж точно! — фыркнула Нэнси.

— Знаю, — кивнул старый Том. — Началось это тогда, после размолвки с её возлюбленным. С той поры она словно одной полынью да чертополохом питается — такая стала горькая и колючая.

— Вот уж верно! — с негодованием сказала Нэнси. — Ей никак не угодишь, как ни старайся! Я бы тут не осталась, если б не жалованье, которое так нужно моим домашним. Но когда-нибудь... когда-нибудь я не выдержу. И тогда, конеч-

но, придётся мне отсюда уйти. Уж точно придётся.

Старый Том покачал головой.

— Знаю. И мне это знакомо. Тут уж ничего не поделаешь, девочка. Только лучше сдержаться. Поверь мне, лучше сдержаться. — И он снова склонился над работой.

— Нэнси! — раздался резкий голос.

— Д-да, мэм, — запинаясь, отозвалась Нэнси и поспешила к дому.

Глава третья. Приезд Поллианны

В положенный срок пришла телеграмма: Поллианна прибывает в Белдингсвилл на следующий день, двадцать пятого июня, в четыре часа. Мисс Полли прочла телеграмму, нахмурилась и поднялась в комнату на чердаке. Оглядывая комнату, она всё ещё хмурилась.

Там стояли небольшая, аккуратно застеленная кровать, два стула с прямыми спинками, умывальный столик, комод без зеркала и маленький стол. На слуховых окнах не было занавесок, на стенах — картин. Солнце весь день палило крышу, и в комнатке было жарко, как в печи. Сеток на окнах не было, поэтому окна держали закрытыми. У одного из них сердито жужжала большая муха: вверх-вниз, вверх-вниз — всё пыталась выбраться наружу.

Мисс Полли прихлопнула муху, приподняла оконную раму на дюйм и смахнула муху наружу. Потом поправила стул, снова нахмурилась и вышла.

— Нэнси, — сказала она несколько минут спустя у дверей кухни, — я нашла муху наверху, в комнате мисс Поллианны. Значит, окно когда-то открывали. Я заказала сетки, но, пока их не доставят, проследи, чтобы окна оставались закрытыми. Моя племянница приезжает завтра в четыре часа. Я хочу, чтобы ты встретила её на станции. Тимоти отвезёт тебя в открытой коляске. В телеграмме сказано: «Светлые волосы,

ситцевое платье в красную клетку и соломенная шляпка». Больше я ничего не знаю, но, думаю, этого тебе хватит.

— Да, мэм, но... вы...

Мисс Полли, видно, правильно поняла её заминку. Она нахмурилась и отрывисто сказала:

— Нет, я не поеду. Не думаю, что в этом есть необходимость. Это всё. — И она отвернулась. На этом заботы мисс Полли об удобстве племянницы Поллианны были исчерпаны.

На кухне Нэнси с ожесточением провела утюгом по посудному полотенцу.

— «Светлые волосы, ситцевое платье в красную клетку и соломенная шляпка» — и больше она, видите ли, ничего не знает! Да мне бы стыдно было в таком признаться, вот ей-богу стыдно! А ведь к ней через целый континент едет единственная племянница!

На следующий день, ровно без двадцати четыре, Тимоти и Нэнси отправились в открытой коляске встречать гостью. Тимоти был сыном старого Тома. В городе порой говорили: если старый Том у мисс Полли правая рука, то Тимоти — левая.

Тимоти был добродушным и к тому же симпатичным молодым человеком. Хотя Нэнси жила в доме совсем недолго, они уже успели подружиться. Но сегодня она была так поглощена своим поручением, что растеряла обычную словоохотливость. До станции они доехали почти молча. Нэнси вышла

из коляски и стала ждать поезда.

В голове у неё без конца вертелось: «Светлые волосы, платье в красную клетку, соломенная шляпка». И она всё гадала, что же за девочка эта Поллианна.

— Ради неё самой надеюсь, что она тихая и разумная, не роняет ножи и не хлопает дверями, — вздохнула Нэнси, когда Тимоти неторопливо подошёл к ней.

— Ну, а если нет, одному богу известно, что станется с нами остальными, — ухмыльнулся Тимоти. — Представь себе мисс Полли и шумного ребёнка! Ох ты! А вот и свисток!

— Ой, Тимоти, нехорошо она поступила, что послала меня, — затараторила вдруг испугавшаяся Нэнси и поспешила туда, откуда было лучше видно пассажиров, выходивших на маленькой станции.

Вскоре Нэнси увидела её — худенькую девочку в ситцевом платье в красную клетку. По спине у неё свисали две толстые косы льняного цвета. Из-под соломенной шляпки выглядывало оживлённое личико в веснушках. Девочка поворачивала голову то вправо, то влево, явно кого-то высматривая.

Нэнси сразу поняла, что это Поллианна, но колени у неё так дрожали, что она долго не могла заставить себя подойти. Когда же она наконец подошла, девочка стояла совсем одна.

— Вы мисс... Поллианна? — запинаясь, спросила Нэнси. В следующую секунду две руки в ситцевых рукавах так крепко обняли её, что она едва могла дышать.

— Ой, как я рада, рада, рада вас видеть! — воскликнула девочка прямо ей в ухо. — Конечно, я Поллианна! И как же я рада, что вы меня встретили! Я так надеялась, что вы приедете.

— Вы... надеялись? — пробормотала Нэнси, смутно недоумевая, откуда Поллианна могла знать её и почему ждала именно её. — Вы надеялись? — повторила она, пытаясь поправить шляпку.

— Ну да! И всю дорогу я гадала, как вы выглядите, — воскликнула девочка, подпрыгивая на носках и оглядывая смущённую Нэнси с головы до ног. — А теперь я знаю и рада, что вы выглядите именно так!

Нэнси испытала облегчение, когда к ним подошёл Тимоти. Слова Поллианны совсем сбили её с толку.

— Это Тимоти. Наверное, у вас есть чемодан? — пробормотала она.

— Есть, — важно кивнула Поллианна. — Совсем новый! Мне его купило Дамское общество помощи. Разве не мило с их стороны? Ведь им так хотелось купить ковёр! Конечно, я не знаю, сколько красного ковра можно было бы купить на деньги за чемодан, но хоть на что-то их наверняка хватило бы. Может, даже на половину прохода, как вы думаете? У меня тут, в сумке, лежит бумажка. Мистер Грей сказал, что это багажная квитанция и что, пока я не отдам её вам, мне не получить чемодан. Мистер Грей — муж миссис Грей. Они оба — двоюродные родственники жены диакона Карра.

Я ехала с ними на Восток, и они такие славные! А вот и она, нашлась! — закончила Поллианна, после долгих поисков достав квитанцию из сумки.

Нэнси глубоко вздохнула. После такой речи кто-то просто обязан был перевести дух. Потом она украдкой взглянула на Тимоти. Тимоти старательно смотрел в другую сторону.

Наконец все трое отправились в путь. Чемодан Поллианны уложили сзади, а сама она уютно устроилась между Нэнси и Тимоти. Пока они собирались ехать, девочка ни на минуту не переставала задавать вопросы и делиться впечатлениями. Нэнси, слегка ошеломлённая, совсем запыхалась, стараясь поспевать за ней.

— Ну вот! Как хорошо! Далеко нам? Надеюсь, далеко — я люблю кататься, — вздохнула Поллианна, когда колёса покатались. — Хотя, если близко, я тоже не огорчусь: буду рада, что мы скорее приедем. Какая красивая улица! Я знала, что здесь будет красиво, папа мне говорил...

Она умолкла, судорожно вздохнув. Нэнси тревожно посмотрела на неё и увидела, что маленький подбородок дрожит, а глаза полны слёз. Но через мгновение Поллианна храбро подняла голову и заговорила снова.

— Папа мне всё рассказал. Он помнил. И я... я должна была объяснить это раньше. Миссис Грей велела мне сразу рассказать вам про моё красное платье из клетчатого ситца и про то, почему я не в чёрном. Она сказала, вы удивитесь. Но в последней бочке с пожертвованными вещами ничего чёр-

ного не было. Только дамская бархатная кофта с баской, а жена дьякона Карра сказала, что мне она совсем не подходит. К тому же на обоих локтях, и ещё кое-где, бархат вытерся до белых пятен. Одни дамы из Дамского благотворительного комитета хотели купить мне чёрное платье и шляпку, а другие решили, что деньги лучше отложить на красный ковёр для церкви. Миссис Уайт сказала, что, может, оно и к лучшему: ей не нравятся дети в чёрном. То есть сами дети ей, конечно, нравятся, только чёрное на них не нравится.

Поллианна остановилась перевести дух, и Нэнси с трудом выговорила:

— Ну, я уверена, что всё... всё будет хорошо.

— Я рада, что вы так думаете. Я тоже, — кивнула Поллианна, снова прерывисто вздохнув. — Конечно, в чёрном радоваться было бы куда труднее...

— Радоваться?! — не удержалась Нэнси.

— Да. Тому, что папа ушёл на небеса, к маме и остальным нашим. Он сказал, что я должна радоваться. Но мне и в красном платье было очень трудно, потому что я... я так хотела, чтобы он был со мной. И мне всё казалось, что он и должен быть со мной: ведь у мамы и остальных есть Бог и все ангелы, а у меня, кроме Дамского благотворительного комитета, никого не было. Но теперь, я уверена, станет легче, потому что у меня есть вы, тётя Полли. Как я рада, что вы у меня есть!

При мысли о бедной, одинокой девочке, сидевшей рядом,

у Нэнси сжалось сердце. И вдруг она с ужасом поняла свою ошибку.

— Ох, милая, ты... ты ужасно ошиблась, — запинаясь, сказала она. — Я всего лишь Нэнси. Я вовсе не твоя тётя Полли!

— Вы... не тётя Полли? — растерянно пролепетала девочка.

— Нет. Я Нэнси. Мне и в голову не пришло, что ты при-
мешь меня за неё. Мы... мы совсем не похожи, совсем, со-
всем!

Тимоти тихонько хохотнул, но Нэнси была слишком взволнована, чтобы ответить на весёлый блеск в его глазах.

— А кто же вы? — спросила Поллианна. — Вы совсем не похожи на даму из Дамского благотворительного комитета!

На этот раз Тимоти рассмеялся в голос.

— Я Нэнси, служанка. Вся работу по дому делаю, кроме стирки и тяжёлой глажки. Этим миссис Дёргин занимается.

— Но тётя Полли у меня всё-таки есть? — тревожно спросила девочка.

— Ещё как есть! — вставил Тимоти.

Поллианна заметно успокоилась.

— А, тогда всё хорошо. — Помолчав немного, она оживлённо продолжила: — И знаете, я теперь даже рада, что она меня не встретила. Встреча с ней у меня ещё впереди, а вы у меня уже есть.

Нэнси покраснела. Тимоти повернулся к ней с лукавой

улыбкой.

— Ловко она тебе польстила, — сказал он. — Что ж ты барышню не поблагодаришь?

— Я... я подумала о мисс Полли, — пробормотала Нэнси. Поллианна довольно вздохнула.

— И я о ней думаю. Мне так интересно, какая она! Знаете, другой тётки у меня нет, а о ней я очень долго даже не знала. Потом папа мне рассказал. Сказал, что она живёт в прекрасном большом доме на самой вершине холма.

— Так и есть. Его уже видно, — сказала Нэнси.

— Вон тот большой белый дом с зелёными ставнями, далеко впереди.

— Ах, какой красивый! И сколько вокруг деревьев и травы! Кажется, я ещё никогда не видела столько зелёной травы сразу. Нэнси, моя тётка Полли богатая?

— Да, мисс.

— Как я рада! Наверное, это чудесно — когда у тебя много денег. Я никого богатого не знала, кроме Уайтов. Они довольно богаты: у них в каждой комнате ковёр, а по воскресеньям они едят мороженое. Тётка Полли ест мороженое по воскресеньям?

Нэнси покачала головой. Уголки её губ дрогнули, и она весело взглянула на Тимоти.

— Нет, мисс. Похоже, ваша тётка мороженое не любит. Во всяком случае, на её столе я его ни разу не видела.

Поллианна погрустнела.

— Не любит? Как жаль! Не понимаю, как можно не любить мороженое. Но всё-таки тут тоже есть чему радоваться: от мороженого, которое не съешь, живот не заболит. А у меня заболел от мороженого миссис Уайт. Я его тогда много съела, понимаете. Может, у тёти Полли хотя бы ковры есть?

— Да, ковры у неё есть.

— В каждой комнате?

— Почти в каждой, — ответила Нэнси и вдруг нахмурилась, вспомнив маленькую голую комнату на чердаке, где ковра не было.

— Как я рада! — воскликнула Поллианна. — Я очень люблю ковры. У нас их не было, только два маленьких коврика из бочки с пожертвованными вещами, да и на одном были чернильные пятна. А у миссис Уайт ещё были картины, удивительно красивые: с розами, с девочками на коленях, с котёнком, с ягнятами и со львом. Только ягнята и лев были не вместе, конечно. Хотя в Библии сказано, что когда-нибудь они будут вместе, но пока этого не случилось. То есть на картинах у миссис Уайт. Вы ведь тоже любите картины?

— Я... я не знаю, — ответила Нэнси сдавленным голосом.

— А я люблю. У нас картин не было: их ведь почти никогда не кладут в такие бочки. Правда, однажды прислали сразу две. Но одна была такая хорошая, что папа её продал, чтобы купить мне башмаки. А другая оказалась такой плохой, что развалилась, едва мы её повесили. Стекло разбилось, понимаете. Я тогда плакала. Но теперь я рада, что у нас

не было всех этих красивых вещей: тётины мне ещё больше понравятся, ведь я к ним не привыкла. Так же бывает, когда после множества выцветших коричневых лент в бочке вдруг попадают красивые ленты для волос. Ой, какой чудесный дом! — горячо воскликнула она, когда они свернули на широкую подъездную дорожку.

Пока Тимоти выгружал сундук, Нэнси улучила минуту и тихо сказала ему на ухо:

— И не заговаривай со мной больше об уходе, Тимоти Дёргин. Меня теперь и за деньги не уговоришь!

— Уйти? Ещё чего! — ухмыльнулся молодой человек.

— Меня отсюда силой не вытащишь. С этой малышкой тут каждый день будет веселее, чем в кино!

— Веселее?! — возмутилась Нэнси. — Для этой милой девочки тут, поди, не до веселья будет, когда они с мисс Полли станут жить вместе. Ей понадобится скала, за которой можно укрыться. Вот такой скалой я для неё и стану, Тимоти. Непременно стану! — поклялась она и, повернувшись, повела Поллианну вверх по широким ступеням.

Глава четвёртая. Маленькая комната на чердаке

Мисс Полли Харрингтон не встала навстречу племяннице. Правда, когда Нэнси и девочка появились в дверях гостиной, она оторвалась от книги и протянула руку. На каждом её холодно вытянутом пальце словно было написано: «Долг».

— Здравствуй, Поллианна. Я... — Больше она ничего сказать не успела. Поллианна перелетела через всю комнату и бросилась тёте на колени. Та окаменела от возмущения и не ответила на объятие.

— Ох, тётя Полли, тётя Полли, я так рада, что ты позволила мне жить у тебя! Даже не знаю, как мне радоваться ещё сильнее! — всхлипывала она. — Ты не представляешь, как чудесно, что теперь у меня есть ты, Нэнси и всё это, а прежде был только Дамский благотворительный комитет!

— Вполне возможно. Хотя я не имела удовольствия познакомиться с Дамским благотворительным комитетом, — сухо ответила мисс Полли, пытаясь разжать маленькие пальцы, крепко вцепившиеся в неё. Она нахмурилась и посмотрела на Нэнси, стоявшую в дверях. — Нэнси, можешь идти. Поллианна, будь добра, встань и стой прямо, как подобает. Я ещё даже не разглядела тебя.

Поллианна сразу отступила и нервно засмеялась.

— Да, наверное, не разглядела. Только смотреть на меня особенно нечего — из-за веснушек. Ой, и мне надо объяснить насчёт красного клетчатого платья и чёрной бархатной кофточки с белыми пятнами на локтях. Я уже рассказала Нэнси, как папа говорил...

— Да, хорошо. Сейчас неважно, что говорил твой отец, — резко перебила мисс Полли. — У тебя, полагаю, есть сундук?

— О да, тётя Полли! Дамский благотворительный комитет подарил мне чудесный сундук. Правда, моих собственных вещей в нём не так уж много. В бочках с пожертвованиями в последнее время почти не попадалось одежды для девочек. Зато там все папины книги. Миссис Уайт сказала, что их нужно отдать мне. Понимаешь, папа...

— Поллианна, — снова резко перебила её тётя, — лучше сразу уяснить одно: я не хочу, чтобы ты говорила со мной о своём отце.

Девочка прерывисто вздохнула.

— Но, тётя Полли, ты... ты хочешь сказать... — Она замолчала, и тётя заговорила сама.

— Пойдём наверх, в твою комнату. Твой сундук, полагаю, уже там. Я велела Тимоти отнести его наверх, если он у тебя есть. Иди за мной, Поллианна.

Поллианна молча последовала за тётей. Глаза её наполнились слезами, но подбородок она держала высоко.

«Наверное, я всё-таки рада, что она не хочет слушать про папу, — думала Поллианна. — Может, мне будет легче, если

я не стану о нём говорить. Наверное, потому она и велела мне о нём не говорить». Вновь уверившись в тёткиной «доброте», Поллианна сморгнула слёзы и с любопытством огляделась.

Они поднимались по лестнице. Впереди роскошно шуршала чёрная шёлковая юбка тёти. За открытой дверью позади Поллианна успела заметить ковры нежных оттенков и кресла, обитые атласом. Под ногами лежал дивный ковёр, мягкий, словно зелёный мох. Со всех сторон сверкали золочёные рамы картин и солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь тонкое кружево занавесок.

— Ох, тётя Полли, тётя Полли, — восхищённо прошептала девочка, — какой у тебя чудесный, чудесный дом! Как же ты, наверное, радуешься, что ты такая богатая!

— Поллианна! — воскликнула тётя и резко обернулась на верхней ступеньке. — Не ожидала от тебя таких слов!

— А разве ты не радуешься, тётя Полли? — искренне удивилась Поллианна.

— Конечно нет, Поллианна. Надеюсь, я никогда не забуду настолько, чтобы греховно гордиться дарами, которыми Господь пожелал меня наделить, — заявила мисс Полли. — Тем более богатством!

Мисс Полли отвернулась и пошла по коридору к двери на чердачную лестницу. Теперь она радовалась, что отвела девочке комнату на чердаке. Поначалу ей просто хотелось поселить племянницу как можно дальше от себя, а заодно уберечь дорогую обстановку от её детской небрежности. Но

раз уж девочка так скоро выказала тщеславие, тем лучше, что комната ей достанется простая и практичная, подумала мисс Полли.

Маленькие ножки Поллианны торопливо стучали за тётей. Её большие голубые глаза перебегали с одной стороны на другую ещё быстрее: в таком чудесном доме ей не хотелось пропустить ничего красивого и интересного. Но больше всего её занимала волнующая загадка, которая вот-вот должна была разрешиться: за какой из этих манящих дверей ждёт её комната — милая, прекрасная комната с занавесками, коврами и картинами, которая будет принадлежать ей одной? Тут тётя открыла дверь и стала подниматься по другой лестнице.

Здесь смотреть было почти не на что. По обе стороны тянулись голые стены. Наверху открывалось широкое, погружённое в тень пространство. В дальних углах крыша спускалась почти до пола, а под ней громоздились бесчисленные сундуки и ящики. К тому же здесь было жарко и душно. Поллианна невольно подняла голову повыше: дышать стало трудно. Тут она увидела, что тётя распахнула дверь справа.

— Вот, Поллианна, твоя комната. И сундук уже здесь, как я вижу. Ключ у тебя?

Поллианна молча кивнула. Её широко раскрытые глаза выражали испуг.

Тётя нахмурилась.

— Когда я задаю тебе вопрос, Поллианна, я предпочитаю,

чтобы ты отвечала вслух, а не просто кивала.

— Да, тётя Полли.

— Спасибо, так лучше. Кажется, здесь есть всё, что тебе нужно, — добавила она, взглянув на вешалку с полотенцами и кувшин с водой. — Я пришлю Нэнси помочь тебе разобрать вещи. Ужин в шесть, — закончила мисс Полли, вышла из комнаты и спустилась по лестнице.

Какое-то мгновение Поллианна стояла неподвижно и смотрела ей вслед. Потом оглядела голые стены, голый пол, голые окна. Наконец её взгляд остановился на маленьком сундуке. Ещё совсем недавно он стоял в её собственной комнате, в далёком доме на Западе. В следующую секунду она, почти ничего не видя перед собой, спотыкаясь, добралась до сундука, опустилась рядом на колени и закрыла лицо руками.

Через несколько минут Нэнси поднялась наверх и нашла её там.

— Ну-ну, бедная моя овечка, — приговаривала она, опускаясь на пол и прижимая девочку к себе. — Я так и боялась, что застану тебя вот так. Так и боялась.

Поллианна покачала головой.

— Но я плохая, Нэнси, и грешная... ужасно грешная, — всхлипывала она. — Никак не могу заставить себя понять, что Богу и ангелам папа был нужнее, чем мне.

— Да не был он им нужнее, — твёрдо сказала Нэнси.

— Ой!.. Нэнси! — От ужаса в глазах Поллианны её слёзы

сразу высохли.

Нэнси смущённо улыбнулась и энергично потёрла собственные глаза.

— Ну-ну, детка, я, конечно, не то хотела сказать, — поспешно произнесла она. — Давай ключ, откроем сундук и мигом, мигом достанем твои платья.

Поллианна, едва сдерживая слёзы, достала ключ.

— Да там и вещей-то совсем немного, — запинаясь, сказала она.

— Значит, и разбирать их недолго, — заявила Нэнси.

Лицо Поллианны вдруг озарилось улыбкой.

— И правда! Вот этому я могу радоваться, да? — воскликнула она.

Нэнси уставилась на неё.

— Ну... конечно, — ответила она не слишком уверенно.

Умелые руки Нэнси быстро вынули из сундука книги, залатанное бельё и несколько убогих, невзрачных платьев. Поллианна, теперь уже храбро улыбаясь, носилась по комнате: развешивала платья в шкафу, складывала книги на столе, убирала бельё в ящики комода.

— Я уверена, комната... комната будет очень хорошая. Ты как думаешь? — спросила она через некоторое время.

Ответа не последовало. Нэнси, похоже, была очень занята: она склонилась над сундуком. Поллианна стояла у комода и с лёгкой грустью разглядывала голую стену над ним.

— И ещё я могу радоваться, что здесь нет зеркала: раз

зеркала нет, я не увижу своих веснушек.

Нэнси издала какой-то странный звук, но, когда Поллианна обернулась, та снова склонилась над сундуком. Несколько минут спустя Поллианна подошла к одному из окон, радостно вскрикнула и захлопала в ладоши.

— Ой, Нэнси, я раньше этого не заметила! — выдохнула она. — Посмотри, там, далеко-далеко: деревья, дома, чудесный церковный шпиль, а река блестит, точно серебро. Да ведь когда такое за окном, никакие картины не нужны! Ой, как же я теперь рада, что она отдала мне эту комнату!

К удивлению и испугу Поллианны, Нэнси расплакалась. Девочка поспешила к ней.

— Нэнси, Нэнси, что с тобой? — воскликнула она и испуганно спросила: — Это ведь не твоя была комната?

— Моя комната! — вспылила Нэнси, с трудом сдерживая слёзы. — Да ты же ангелочек, прямиком с небес спустилась! А кое-кому ещё придётся проглотить свою гордость, прежде чем... Ох ты господи, хозяйка звонит! — С этими загадочными словами Нэнси вскочила, выбежала из комнаты и с топотом сбежала по лестнице.

Оставшись одна, Поллианна вернулась к своей «картине» — так она мысленно назвала прекрасный вид из окна. Немного погодя она осторожно тронула оконную раму. Казалось, больше она не выдержит этой духоты. К её радости, рама подалась. Мгновение спустя окно было широко открыто, и Поллианна, далеко высунувшись наружу, жадно вдыха-

ла свежий, сладкий воздух.

Потом она подбежала ко второму окну. Его рама тоже быстро поддалась её нетерпеливым рукам. Мимо самого её носа пронеслась крупная муха и с громким жужжанием закружила по комнате. За ней влетела другая, потом ещё одна, но Поллианна не обращала на них внимания. Она сделала чудесное открытие: прямо к этому окну тянулись большие ветви огромного дерева. Поллианне они казались протянутыми к ней руками, будто дерево звало её к себе. И вдруг она громко рассмеялась.

— Кажется, у меня получится! — хихикнула она. В следующее мгновение Поллианна ловко взобралась на подоконник. Оттуда ничего не стоило шагнуть на ближайшую ветку. Потом, цепляясь за ветви, точно обезьянка, она перебралась с одной на другую и добралась до самой нижней. Даже Поллианне, привыкшей лазать по деревьям, было немного страшно прыгать оттуда на землю. Но она всё-таки решилась: затаила дыхание, повисла на крепких руках и приземлилась на четвереньки в мягкую траву. Затем поднялась и с любопытством огляделась.

Она оказалась позади дома. Перед ней раскинулся сад, где работал согбенный старик. За садом через открытое поле вела тропинка, поднимавшаяся на крутой холм. На вершине, возле огромного камня, одинокая сосна стояла словно на страже. В эту минуту Поллианне казалось, что во всём мире есть только одно место, где ей непременно нужно оказаться,

— на вершине того большого камня.

Разбежавшись и ловко свернув в сторону, Поллианна проскочила мимо согбенного старика, пробралась между ровными рядами молодой зелени и, слегка запыхавшись, вышла на тропинку через поле. Затем решительно двинулась вверх. Правда, она уже начала думать, как же далеко находится этот камень, хотя из окна он казался таким близким!

Через пятнадцать минут большие часы в прихожей усадьбы Харрингтонов пробили шесть. Ровно с последним ударом Нэнси позвонила в колокольчик, созывая к ужину.

Прошла минута, другая, третья. Мисс Полли нахмурилась и постучала туфлей по полу. Рывком поднявшись, она вышла в прихожую и нетерпеливо посмотрела наверх, в сторону лестницы. С минуту она напряжённо прислушивалась, затем повернулась и вошла в столовую.

— Нэнси, — твёрдо сказала она, едва появилась служанка, — моя племянница опаздывает. Нет, звать её не надо, — строго добавила мисс Полли, когда Нэнси двинулась к двери в прихожую. — Я сказала ей, во сколько мы ужинаем, и теперь ей придётся отвечать за своё опоздание. Пусть сразу привыкает приходить вовремя. Когда она спустится, пусть поест на кухне хлеба с молоком.

— Да, мэм. — Пожалуй, хорошо, что в эту минуту мисс Полли не смотрела на лицо Нэнси.

Как только после ужина выдалась возможность, Нэнси тихонько поднялась по чёрной лестнице и прошла в комнату

на чердаке.

— Хлеба с молоком, вот ещё! Бедный ягнёнок только-только выплакался и заснул, — сердито бормотала она, осторожно приоткрывая дверь. В следующее мгновение Нэнси испуганно вскрикнула. — Ты где? Куда ты делаешь? Ну куда же ты ДЕЛАСЬ? — задыхаясь, повторяла она, заглядывая в шкаф, под кровать, даже в сундук и в кувшин с водой. Потом она бросилась вниз по лестнице и выбежала в сад к старому Тому.

— Мистер Том, мистер Том, пропала наша милая девочка! — запричитала она. — Взяла да и исчезла обратно на небесах, откуда явилась, бедный ягнёнок! А мне велено дать ей на кухне хлеба с молоком, когда она небось уже ангельскую пищу ест, уж это точно!

Старик выпрямился.

— Пропала? На небеса? — ошарашенно повторил он и невольно обвёл взглядом небо, ярко расцвеченное закатом. Вдруг он замер, пристально посмотрел вдаль и медленно улыбнулся. — Ну, Нэнси, похоже, она и вправду решила забраться как можно ближе к небесам, — сказал он, указывая кривым пальцем туда, где на вершине огромного камня, на ветру, застыла тоненькая фигурка, чётко выделяясь на фоне краснеющего неба.

— Сегодня на небеса она таким путём не отправится, уж я-то прослежу, — упрямо заявила Нэнси. — Если хозяйка спросит, скажите, что я про посуду помню, просто вышла

прогуляться! — бросила она через плечо и помчалась к тропинке, ведущей через поле.

Глава пятая. Игра

— Господи помилуй, мисс Поллианна, как же вы меня напугали! — выдохнула Нэнси, подбегая к большому валуну, с которого Поллианна только что неохотно соскользнула.

— Напугала? Ой, прости! Только ты, правда, никогда за меня не бойся, Нэнси. Папа и дамы из Дамского благотворительного комитета тоже сперва пугались, пока не убедились, что я всегда возвращаюсь целой и невредимой.

— Да я и не знала, что вы ушли! — воскликнула Нэнси. Она взяла девочку под руку и быстро повела вниз по склону. — Не видела, как вы вышли, и никто не видел. Уж не иначе вы прямо сквозь крышу вылетели, ей-богу!

Поллианна радостно подпрыгнула.

— Почти угадала! Только я не вверх летела, а вниз. Я спустилась по дереву.

Нэнси остановилась как вкопанная.

— Вы сделали... что?

— Спустилась по дереву, которое растёт у моего окна.

— Батюшки мои! — ахнула Нэнси и снова поспешила вперёд. — Вот бы узнать, что на это сказала ваша тётя!

— Хочешь? Тогда я ей расскажу, и ты узнаешь, — охотно пообещала девочка.

— Господи! — выдохнула Нэнси. — Нет, нет!

— Неужели она рассердится? — воскликнула Поллианна,

заметно встревожившись.

— Нет... то есть да... ну, неважно. Не так уж мне и хочется знать, что она скажет, честное слово, — запинаясь, проговорила Нэнси. Она решила избавить Поллианну хотя бы от одного выговора. — Да нам бы поторопиться. Мне ещё посуду мыть, понимаете.

— Я помогу, — тут же пообещала Поллианна.

— Ох, мисс Поллианна! — запротестовала Нэнси.

Некоторое время они шли молча. Небо быстро темнело. Поллианна крепче ухватила за руку своей подруги.

— А всё-таки я рада, что ты немножко испугалась, — сказала она, поёжившись. — Ведь поэтому ты за мной пришла.

— Бедная моя овечка! Вы, наверное, ещё и проголодались. Боюсь, придётся вам поесть на кухне со мной — хлеба с молоком. Вашей тёте не понравилось, что вы не спустились к ужину.

— Но я не могла. Я была здесь.

— Да, только она-то об этом не знала, — сухо заметила Нэнси, подавляя смешок. — Жалко мне, что вам достанется один хлеб с молоком. Правда жалко.

— А мне нет. Я рада.

— Рады? Чему же?

— Я люблю хлеб с молоком. И с тобой мне хочется поужинать. Тут совсем нетрудно найти, чему радоваться.

— Вам, похоже, во всём нетрудно найти, чему радоваться, — отозвалась Нэнси. У неё перехватило горло, когда она

вспомнила, как мужественно Поллианна старалась полюбить свою пустую комнатку на чердаке.

Поллианна тихонько засмеялась.

— Ну, в том и состоит игра.

— Игра?

— Да. Игра в радость.

— Что это ещё за игра такая?

— Папа рассказал мне о ней. Она замечательная, — объяснила Поллианна. — Мы играли в неё всегда, с тех пор как я была совсем маленькой. Я рассказала дамам из Дамского благотворительного комитета, и некоторые тоже стали играть.

— А как в неё играть? Хотя игры — это, по правде сказать, не по моей части.

Поллианна опять засмеялась, но тут же вздохнула. В сгущающихся сумерках её лицо казалось худеньким и печальным.

— Всё началось с костылей, которые прислали в бочке с вещами от миссионерского общества.

— С костылей?!

— Да. Понимаешь, мне очень хотелось куклу, и папа им об этом написал. А когда пришла бочка, одна дама написала, что кукол не оказалось, зато нашлись маленькие костыли. Вот она их и прислала: вдруг когда-нибудь пригодятся какому-нибудь ребёнку. Тогда мы и начали играть.

— Ну уж не знаю, какая тут может быть игра, — сказала

Нэнси почти с досадой.

— Очень просто: надо во всём искать то, чему можно радоваться, что бы ни случилось, — горячо объяснила Поллианна. — Вот мы сразу и попробовали — с этими костылями.

— Господи помилуй! Никак не пойму, чему тут радоваться: хотела куклу, а получила костыли!

Поллианна хлопала в ладоши.

— Есть чему, есть! — торжествующе воскликнула она. — Только я сначала тоже не догадалась, Нэнси, — тут же честно добавила девочка. — Папа мне подсказал.

— Ну так расскажите теперь мне, — выпалила Нэнси.

— Глупенькая! Можно радоваться тому, что костыли тебе не нужны! — ликующе объявила Поллианна. — Видишь, как всё просто, когда знаешь как!

— Ну и чудеса, — прошептала Нэнси, глядя на Поллианну чуть ли не с испугом.

— Ничего чудного тут нет. Это замечательная игра! — горячо возразила Поллианна. — Мы с тех пор всё время в неё играли. Чем труднее, тем интереснее отыскать, чему радоваться. Только... только иногда бывает почти невозможно. Например, когда твой папа уходит на небеса, а у тебя остаются одни только дамы из Дамского благотворительного комитета.

— Или когда тебя селят в тесной пустой комнатёнке под самой крышей, — проворчала Нэнси.

Поллианна вздохнула.

— С этим поначалу было трудно, — призналась она, — особенно потому, что мне было так одиноко. Мне совсем не хотелось играть, а красивых вещей в комнате я так ждала! Потом я вспомнила, как не люблю смотреть на свои веснушки в зеркале, и ещё увидела из окна чудесный вид. И поняла, чему здесь можно радоваться. Знаешь, когда ищешь то, чему можно радоваться, как будто забываешь обо всём остальном — например, о кукле, которую хотела получить.

— Гм! — только и смогла выговорить Нэнси, пытаясь проглотить ком в горле.

— Обычно я нахожу гораздо быстрее, — вздохнула Поллианна. — А теперь часто даже искать не приходится: мысли сами приходят в голову. Так я привыкла играть. Замечательная игра. Мы с п-папой её так любили, — запнулась она. — Наверное, теперь будет немного труднее: мне ведь не с кем играть. Может быть, тётя Полли согласится, — добавила девочка, словно эта мысль только что пришла ей в голову.

— Батюшки мои! Она-то? — прошептала Нэнси сквозь зубы. Потом упрямо произнесла вслух: — Послушайте, мисс Поллианна. Не обещаю, что у меня хорошо получится, и я, если честно, ещё толком не поняла, как играть. Но я буду играть с вами. Как сумею, так и буду!

— О, Нэнси! — в восторге воскликнула Поллианна и крепко её обняла. — Как здорово! Вот будет весело!

— Может, и будет, — с явным сомнением согласилась Нэнси. — Только вы на меня особенно не рассчитывайте.

Игры мне сроду не давались, но уж тут я постараюсь изо всех сил. Во всяком случае, вам будет с кем играть, — закончила она, когда они вместе вошли в кухню.

Поллианна с аппетитом съела хлеб с молоком, а потом, по совету Нэнси, отправилась в гостиную, где тётя сидела с книгой. Мисс Полли холодно подняла глаза.

— Ты поужинала, Поллианна?

— Да, тётя Полли.

— Мне очень жаль, Поллианна, что уже сегодня пришлось отправить тебя ужинать на кухню хлебом с молоком.

— А я очень рада, что ты меня туда отправила, тётя Полли. Я люблю и хлеб с молоком, и Нэнси. Ты из-за этого ни-сколечко не огорчайся.

Тётя Полли вдруг выпрямилась в кресле.

— Поллианна, тебе пора спать. День у тебя был тяжёлый. Завтра мы распишем твой день по часам и посмотрим, какая у тебя есть одежда, чтобы решить, что нужно купить. Нэнси даст тебе свечу. Обращайся с ней осторожно. Завтрак в половине восьмого. Смотри не опоздай. Спокойной ночи.

Поллианна, словно это было самым естественным делом на свете, подошла к тёте и ласково её обняла.

— Как хорошо мне у тебя сегодня было! — счастливо вздохнула она. — Знаю, мне очень понравится жить с тобой. Впрочем, я и до приезда это знала. Спокойной ночи! — весело крикнула она, выбегая из комнаты.

— Вот уж право! — вполголоса воскликнула мисс Полли.

— Что за необыкновенный ребёнок! — Она нахмурилась. — Рада, что я её наказала, просит меня «нисколько не огорчаться» и уверяет, что ей «очень понравится» жить со мной! Вот уж право! — снова произнесла мисс Полли и вернулась к книге.

Пятнадцать минут спустя, лёжа в комнате на чердаке, одинокая девочка всхлипывала, крепко вцепившись в простыню:

— Знаю, папочка, ты теперь среди ангелов, а я сейчас совсем не играю в нашу игру, совсем. Но мне кажется, даже ты не сумел бы найти, чему радоваться, когда спишь одна, так далеко от всех, под самой крышей, в темноте... Если бы рядом была Нэнси или тётя Полли, или хоть кто-нибудь из Дамского благотворительного комитета, было бы легче!

А внизу, на кухне, Нэнси торопливо доделывала запоздавшую работу. Она ткнула щёткой для мытья посуды в кувшин для молока и отрывисто пробормотала:

— Если мне, чтобы стать для неё той самой скалой, где можно укрыться, придётся играть в эту дурацкую игру и радоваться костылям, когда хочется куклу, значит, буду играть. Буду, и всё тут!

Глава шестая. Вопрос долга

В первое утро после приезда Поллианна проснулась почти в семь часов. Окна её комнаты выходили на юг и запад, так что солнца она ещё не видела. Зато видела голубое, чуть подёрнутое дымкой утреннее небо и понимала: день обещает быть погожим.

В маленькой комнате стало прохладнее. С улицы веял свежий, душистый воздух. За окном весело щебетали птицы, и Поллианна подбежала поговорить с ними. Тут она увидела, что тётя уже в саду, среди розовых кустов. Поллианна проворно оделась и поспешила к ней.

Она помчалась вниз по чердачной лестнице, оставив обе двери настежь. Пронеслась через коридор, сбежала по следующей лестнице, с грохотом распахнула входную дверь с сеткой и обежала дом к саду.

Тётя Полли вместе с согбенным стариком склонилась над розовым кустом, когда Поллианна с радостным смехом бросилась ей на шею.

— Ой, тётя Полли, тётя Полли! Как же я сегодня рада просто тому, что живу!

— Поллианна! — строго одёрнула её тётя, пытаясь выпрямиться под тяжестью девочки весом в девяносто фунтов, повисшей у неё на шее. — Ты всегда так здороваешься по утрам?

Поллианна отпустила тётю и запрыгала на носках.

— Нет, только когда я так люблю человека, что ничего не могу с собой поделать! Я увидела тебя из окна, тётя Полли, и подумала: ты ведь не из Дамского благотворительного комитета, ты моя самая настоящая тётя! И ты показалась мне такой славной, что я просто не могла не прибежать и не обнять тебя!

Согбенный старик поспешно отвернулся. Мисс Полли попыталась нахмуриться, но на этот раз это удалось ей хуже обычного.

— Поллианна, ты... Томас, на сегодня довольно. Надеюсь, насчёт розовых кустов вам всё ясно, — сухо сказала она. Затем повернулась и быстро ушла.

— Вы всегда работаете в саду, мистер... дяденька? — с любопытством спросила Поллианна.

Старик обернулся. Губы у него подрагивали, а глаза словно затуманились от слёз.

— Да, маленькая мисс. Я старый Том, садовник, — ответил он. Робко, будто не в силах удержаться, он протянул дрожащую руку и на миг положил её на светлые волосы девочки. — Как же вы похожи на вашу матушку! Я её знал, когда она была ещё меньше вас. Я ведь и тогда работал здесь, в саду.

Поллианна громко ахнула.

— Правда? Вы знали мою маму, когда она была ещё маленьким земным ангелом, а не небесным? Ой, пожалуйста, расскажите мне о ней! — И Поллианна плюхнулась прямо

посреди земляной дорожки рядом со стариком.

Из дома донёсся звонок. В следующую минуту из задней двери выбежала Нэнси.

— Мисс Поллианна, по утрам этот звонок зовёт к завтраку! — выдохнула она, поднимая девочку на ноги и торопливо ведя её к дому. — А в другое время — к обеду или ужину. Но когда бы он ни зазвонил, беги со всех ног, где бы ты ни была. А не побежишь — тут уж надо быть поумнее нас с тобой, чтобы найти чему порадоваться! — закончила она, загоня Поллианну в дом, словно непослушного цыплёнка в курятник.

Первые пять минут завтрак проходил в молчании. Потом мисс Полли, неодобрительно следившая за двумя мухами, которые носились над столом, строго спросила:

— Нэнси, откуда взялись эти мухи?

— Не знаю, мэм. На кухне ни одной не было. — Нэнси накануне так разволновалась, что не заметила распахнутых Поллианной окон.

— Наверное, это мои мухи, тётя Полли, — добродушно заметила Поллианна. — Сегодня утром наверху их было много. Они там чудесно проводили время.

Нэнси поспешно вышла из комнаты, хотя для этого ей пришлось унести горячие булочки, которые она только что принесла.

— Твои? — выдохнула мисс Полли. — Что ты хочешь сказать? Откуда они взялись?

— Ну как же, тётя Полли, с улицы, конечно. В окна залетели. Я сама видела, как некоторые влетали.

— Видела? Значит, ты открыла окна без сеток?

— Ну да. Там ведь нет сеток, тётя Полли.

В эту минуту Нэнси вернулась с булочками. Лицо у неё было серьёзное, но очень красное.

— Нэнси, — резко распорядилась хозяйка, — поставь булочки и немедленно ступай в комнату мисс Поллианны закрыть окна. И двери тоже закрой. Потом, когда закончишь утренние дела, обойди с мухобойкой все комнаты. Проверь как следует.

Племяннице она сказала:

— Поллианна, я заказала сетки для этих окон. Разумеется, я знала, что обязана это сделать. Но, по-моему, ты совсем забыла о своём долге.

— О моём... долге? — Глаза Поллианны широко раскрылись от удивления.

— Именно. Я знаю, что тепло, но считаю твоим долгом держать окна закрытыми, пока не привезут сетки. Мухи, Поллианна, не только грязные и назойливые. Они очень опасны для здоровья. После завтрака я дам тебе почитать небольшую брошюру об этом.

— Почитать? Ой, спасибо, тётя Полли! Я очень люблю читать!

Мисс Полли шумно вдохнула и крепко сжала губы. Увидев её суровое лицо, Поллианна слегка нахмурилась и задумалась.

малась.

— Конечно, мне очень жаль, что я забыла о своём долге, тётя Полли, — робко извинилась она. — Больше я окна открывать не буду.

Тётя не ответила. Она вообще не произнесла ни слова до конца завтрака. Потом встала, подошла к книжному шкафу в гостиной, достала небольшую брошюру и вернулась к племяннице.

— Вот статья, о которой я говорила, Поллианна. Сейчас же ступай к себе и прочти её. Через полчаса я поднимусь осмотреть твои вещи.

Поллианна взглянула на рисунок мушиной головы, увеличенной во много раз, и радостно воскликнула:

— Ой, спасибо, тётя Полли! — В следующую минуту она весело выскочила из комнаты, хлопнув за собой дверь.

Мисс Полли нахмурилась, помедлила, затем величественно пересекла комнату и открыла дверь. Но Поллианна уже скрылась из виду и с топотом поднималась по чердачной лестнице.

Полчаса спустя мисс Полли поднялась по той же лестнице. В каждой черте её лица читалась суровая решимость исполнить долг. Едва она вошла в комнату Поллианны, девочка восторженно заговорила:

— Ой, тётя Полли, я в жизни не видела ничего такого замечательного и интересного! Как я рада, что ты дала мне эту книжку! Я и не думала, что мухи могут столько всего пере-

носить на лапках, и...

— Довольно, — с достоинством произнесла тётя Полли. — Поллианна, достань теперь свою одежду, я её осматриву. То, что тебе не подходит, я, разумеется, отдам Салливанам.

Поллианна с явной неохотой отложила брошюру и повернулась к шкафу.

— Боюсь, тебе эти вещи покажутся ещё хуже, чем участницам Дамского благотворительного комитета. А они сказали, что вещи просто позорные, — вздохнула она. — В последних двух или трёх бочках с пожертвованиями была в основном одежда для мальчиков и взрослых. А тебе когда-нибудь присылали такую бочку, тётя Полли?

Заметив гневный и потрясённый взгляд тёти, Поллианна тут же поправилась.

— Ну конечно, нет, тётя Полли! — поспешно продолжила она, заливаясь краской. — Я забыла: богатым людям такие бочки не нужны. Просто здесь, в этой комнате, я иногда как-то забываю, что ты богатая.

Мисс Полли возмущённо приоткрыла рот, но так ничего и не сказала. А Поллианна, явно не сознавая, что произнесла что-то неприятное, уже спешила продолжить.

— Ну так вот, я хотела сказать: никогда не угадаешь, что окажется в бочке с пожертвованными вещами. Одно только можно знать наверняка: того, чего ждёшь, там не будет. Даже если ждёшь как раз этого! И нам с папой труднее всего было играть в радость именно из-за этих бочек, потому что...

Поллианна вовремя вспомнила, что ей нельзя говорить с тётей о папе. Она поспешно нырнула в шкаф и вынесла оттуда все свои бедные платица, прижимая их к груди обеими руками.

— Они совсем не красивые, — сдавленно сказала она. — И были бы чёрными, если бы не красный ковёр для церкви. Но других у меня нет.

Мисс Полли кончиками пальцев перебрала разномастную грудку одежды. Казалось, всё это шили для кого угодно, только не для Поллианны. Затем она нахмурилась и осмотрела заштопанное бельё в ящиках комода.

— Самое лучшее сейчас на мне, — тревожно призналась Поллианна. — Дамский благотворительный комитет купил мне полный комплект белья, совсем без заплат. Миссис Джонс, она у них председательница, сказала, что мне его купят, даже если им самим до конца жизни придётся стучать башмаками по голому полу в церковных проходах. Но не придётся. Мистеру Уайту не нравится этот шум. Жена говорит, у него слабые нервы. Зато у него есть деньги, и дамы надеются, что он много даст на ковёр — из-за нервов, понимаешь? По-моему, ему надо радоваться: пусть у него слабые нервы, зато есть деньги. Правда ведь?

Мисс Полли, казалось, не слышала. Закончив осматривать бельё, она резко повернулась к Поллианне.

— В школу ты, конечно, ходила, Поллианна?

— О да, тётя Полли. А ещё па... то есть меня и дома

немного учили.

Мисс Полли нахмурилась.

— Хорошо. Осенью ты, разумеется, пойдёшь здесь в школу. Мистер Холл, директор, определит, в какой класс тебя принять. А пока, полагаю, мне следует каждый день по полчаса слушать, как ты читаешь вслух.

— Я люблю читать. Но если тебе не хочется меня слушать, я буду только рада читать про себя, честное слово, тётя Полли. Мне даже стараться радоваться почти не придётся: про себя мне читать больше нравится. Из-за трудных слов, понимаешь?

— Нисколько не сомневаюсь, — сурово отозвалась мисс Полли. — Музыке тебя учили?

— Совсем немного. Мне не нравится, как играю я сама, а вот других я люблю слушать. Я чуть-чуть научилась играть на пианино. Меня учила мисс Грей — она играет в церкви. Но если занятий больше не будет, я нисколько не огорчусь, тётя Полли. Честно, так мне даже лучше.

— Весьма вероятно, — заметила тётя Полли, слегка приподняв брови. — И всё же я считаю своим долгом позаботиться, чтобы ты освоила хотя бы основы музыки. Шить ты, конечно, умеешь.

— Да, мэм. — Поллианна вздохнула. — Меня научили дамы из Дамского благотворительного комитета. Только трудно мне с ними пришлось. Миссис Джонс говорила, что при обмётывании петель иголку надо держать совсем не так, как

учили остальные. А миссис Уайт считала, что шву «назад иголку» надо учить раньше, чем подшивать край. Или наоборот. А миссис Харриман была против того, чтобы мне вообще давали шить из лоскутков.

— Что ж, подобных затруднений больше не будет, Поллианна. Шитью я, конечно, научу тебя сама. А готовить ты, полагаю, не умеешь?

Поллианна вдруг рассмеялась.

— Этому меня как раз начали учить нынешним летом, только мы не успели далеко продвинуться. Насчёт готовки дамы спорили ещё больше, чем насчёт шитья. Они собирались начать с хлеба, но ни у двух из них он не выходил одинаково. Они проспорили целое собрание за шитьём, а потом решили по очереди брать меня к себе на кухню на одно утро в неделю, понимаешь? Только я успела научиться делать шоколадную помадку и пирог с инжиром, как... как пришлось прекратить. — Голос у неё дрогнул.

— Шоколадную помадку и пирог с инжиром, подумать только! — презрительно произнесла мисс Полли. — Думаю, мы скоро это исправим. — Она на минуту задумалась и медленно продолжила: — Каждое утро в девять часов ты будешь полчаса читать мне вслух. До этого — приводить в порядок свою комнату. По средам и субботам после половины десятого ты будешь заниматься с Нэнси на кухне и учиться готовить. В остальные дни по утрам — шить со мной. После обеда останется время для музыки. Я, разумеется, сразу найду

тебе учителя, — решительно закончила она и встала со стула.

Поллианна испуганно вскрикнула.

— Ой, но тётя Полли, тётя Полли, ты совсем не оставила мне времени, чтобы... чтобы жить!

— Жить, дитя моё? Что ты имеешь в виду? Ты ведь живёшь всё время!

— Ну конечно, я буду дышать, пока всё это делаю, тётя Полли. Только это не значит жить. Во сне ты тоже всё время дышишь, но не живёшь. Я говорю про жизнь, когда делаешь то, что хочется: играешь на улице, читаешь — про себя, конечно, — забираешься на холмы, разговариваешь с мистером Томом в саду и с Нэнси, узнаёшь всё про дома, людей и про всё-всё на тех чудесных улицах, по которым я вчера ехала. Вот что я называю жизнью, тётя Полли. Просто дышать — это ещё не жить!

Мисс Полли раздражённо вскинула голову.

— Поллианна, ты необыкновенный ребёнок! Разумеется, у тебя будет положенное время для игр. Но если я готова исполнить свой долг и обеспечить тебе надлежащий уход и обучение, то и ты, мне кажется, должна исполнить свой: не дать моим заботам пропасть зря из-за твоей неблагодарности.

Поллианна посмотрела на неё с ужасом.

— Ой, тётя Полли, разве я могу быть неблагодарной — тебе? Я ведь люблю тебя! И ты даже не участница Дамского

благотворительного комитета. Ты моя тётя!

— Вот и смотри, чтобы ты не вела себя неблагодарно, — снизошла до ответа мисс Полли и направилась к двери.

Она спустилась уже до середины лестницы, когда ей вслед раздался тихий, дрожащий голос:

— Пожалуйста, тётя Полли, ты так и не сказала, какие мои вещи хочешь... хочешь отдать.

Тётя Полли устало вздохнула. Наверху Поллианна отчётливо слышала этот вздох.

— Ах да, я забыла тебе сказать, Поллианна. Сегодня в половине второго Тимоти отвезёт нас в город. Ни одна из твоих вещей не годится для моей племянницы. Я, конечно, далеко не исполнила бы свой долг перед тобой, если бы позволила тебе выйти в одной из них.

Теперь вздохнула Поллианна. Ей начинало казаться, что слово «долг» она скоро возненавидит.

— Тётя Полли, пожалуйста, — с тоской позвала она, — а во всём этом... в этом долге совсем нельзя найти ничего, чему можно радоваться?

— Что? — Мисс Полли растерянно подняла глаза. Потом щёки у неё вдруг сильно покраснели, и она сердито зашагала вниз по лестнице. — Не дерзи, Поллианна!

В жаркой маленькой комнате на чердаке Поллианна опустилась на один из стульев с прямой спинкой. Вся жизнь впереди представлялась ей бесконечной чередой дел, которые надо выполнять из чувства долга.

— Не понимаю, что тут было дерзкого, — вздохнула она.
— Я только спросила, не может ли она подсказать мне, чему радоваться во всём этом долге.

Несколько минут Поллианна сидела молча и печально смотрела на сиротливую кучку одежды на кровати. Потом медленно встала и начала убирать платья в шкаф.

— Ничего радостного тут, по-моему, нет, — сказала она вслух. — Разве что... можно радоваться, когда долг уже исполнен! — И тут она неожиданно рассмеялась.

Глава седьмая.

Поллианна и наказания

В половине второго Тимоти повёз мисс Полли и её племянницу по четырём или пяти главным мануфактурным магазинам, расположенным примерно в полумиле от усадьбы.

Покупка нового гардероба для Поллианны оказалась волнующим делом для всех. Мисс Полли вышла из магазинов обессиленная. Она чувствовала себя так, будто после опасной прогулки по тонкой корке вулкана наконец ступила на твёрдую землю. Продавцы, обслуживавшие тётю и племянницу, остались с раскрасневшимися лицами и запасом забавных историй о Поллианне: хватит, чтобы смешить друзей до конца недели. Сама же Поллианна сияла и была совершенно счастлива. Как она объяснила одному из продавцов: «Когда тебя прежде одевали только из бочек с пожертвованными вещами да дамы из благотворительного общества, так чудесно просто войти в магазин и купить совсем новую одежду! И её не надо ни укорачивать, ни удлинять, чтобы она пришлась впору!»

Поход по магазинам занял весь день после обеда. Потом был ужин, чудесный разговор со старым Томом в саду и ещё один — с Нэнси на заднем крыльце, когда посуду уже вымыли, а тётя Полли ушла навестить соседку.

Старый Том рассказал Поллианне много чудесного о её матери, и это очень её обрадовало. А Нэнси рассказала о маленькой ферме в шести милях отсюда, в Корнерсе. Там жили её дорогая матушка и не менее дорогие брат и сёстры. Нэнси пообещала, что когда-нибудь, если мисс Полли позволит, свозит Поллианну к ним в гости.

— А имена у них тоже красивые. Вот их имена тебе понравятся, — вздохнула Нэнси. — Алджернон, Флорабель и Эстель. А своё, Нэнси, я просто терпеть не могу!

— Ох, Нэнси, как можно такое говорить! Почему?

— Потому что оно не такое красивое, как остальные. Видишь ли, я родилась первой, а матушка тогда ещё не читала столько историй, где всякие красивые имена встречаются.

— А я люблю имя Нэнси, потому что это твоё имя, — объявила Поллианна.

— Хм! Думаю, Клариссу Мейбелль ты любила бы ничуть не меньше, — возразила Нэнси, — а мне было бы куда приятнее. По-моему, это имя просто великолепное!

Поллианна рассмеялась.

— Ну, во всяком случае, — проговорила она сквозь смех, — ты можешь радоваться, что тебя не называли Хефцибой.

— Хефцибой!

— Да. Так зовут миссис Уайт. Муж называет её Хеф, а ей это не нравится. Она говорит, когда он кричит: «Хеф! Хеф!», ей кажется, что сейчас он добавит: «Ура!» А ей совсем не хочется, чтобы ей кричали «ура».

Хмурое лицо Нэнси расплылось в широкой улыбке.

— Ну ты даёшь! Знаешь что? Теперь, как только услышу «Нэнси», непременно вспомню это «Хеф! Хеф!» и захихикаю. Пожалуй, я и вправду рада... — Она осеклась и с изумлением посмотрела на девочку. — Погоди-ка, мисс Поллианна, ты что же, уже тогда играла в свою игру? Когда сказала, что я могу радоваться, что меня не называли Хефцибой?

Поллианна нахмурилась, а потом рассмеялась.

— Верно, Нэнси! Я играла в игру в радость — только, кажется, на этот раз сама того не заметила. Понимаешь, так часто бывает. Просто привыкаешь искать, чему бы порадоваться. И почти во всём можно найти что-нибудь, чему стоит радоваться, если поискать как следует.

— Ну, м-может быть, — сказала Нэнси, хотя по её виду было ясно, что она сомневается.

В половине девятого Поллианна поднялась к себе спать. Оконные сетки ещё не привезли, и в душной маленькой комнате было жарко, как в печке. Поллианна с тоской посмотрела на два наглухо закрытых окна, но открывать их не стала. Она разделась, аккуратно сложила одежду, помолилась, задула свечу и легла.

Сколько она промучилась без сна, ворочаясь на жаркой койке, Поллианна не знала. Ей казалось, что прошло уже несколько часов, когда она наконец выбралась из постели, на ощупь пересекла комнату и открыла дверь.

На большом чердаке царила бархатная темнота. Только

из слухового окна с восточной стороны луна протянула серебристую дорожку до середины пола. Стараясь не думать о страшной темноте справа и слева, Поллианна быстро вздохнула, пробежала по лунной дорожке и подошла к окну.

Она смутно надеялась, что на этом окне найдётся сетка, но её не было. Зато за окном раскинулся целый сказочно прекрасный мир. И там, Поллианна знала, был свежий, сладкий воздух. Как хорошо было бы подставить ему горячие щёки и руки!

Подойдя ближе и с тоской выглянув наружу, она заметила кое-что ещё: чуть ниже окна простиралась широкая плоская жестяная крыша солнечной веранды мисс Полли, устроенной над крытым подъездом. Поллианне ужасно захотелось туда выбраться. Вот бы сейчас оказаться на этой крыше!

Она опасливо оглянулась. Там, позади, были её душная комнатка и ещё более жаркая постель. Но между ними и Поллианной лежала жуткая чёрная пустыня: через неё пришлось бы пробираться ощупью, робко вытянув вперёд руки. А там, впереди, на крыше веранды, ждали лунный свет и прохладный, сладкий ночной воздух.

Вот бы и постель её стояла там! Ведь люди спят под открытым небом. Джоэл Хартли у них дома был так болен чахоткой, что ему даже приходилось спать на улице.

Вдруг Поллианна вспомнила, что видела возле чердачного окна целый ряд длинных белых мешков, висевших на гвоздях. Нэнси сказала, что в них убрана на лето зимняя одеж-

да. Немного побаиваясь, Поллианна нащупала мешки и выбрала один, толстый и мягкий, для постели — в нём лежала котиковая шуба мисс Полли. Мешок потоньше она решила сложить вдвое и подложить под голову, а ещё одним, таким тонким, что он казался почти пустым, укрыться. Собрав всё необходимое, Поллианна весело побежала к освещённому луной окну, подняла раму, вытолкнула мешки на крышу и сама спустилась следом. За собой она аккуратно закрыла окно: Поллианна не забыла о мухах с удивительными лапками, на которых те переносят всякое.

Как же здесь было восхитительно прохладно! Поллианна от радости чуть не пустилась в пляс и полной грудью вдыхала свежий воздух. Жесть под её ногами звонко потрескивала, и ей нравился этот звук. Она даже два или три раза прошлась по крыше из конца в конец и обратно: после душной комнатки так приятно было очутиться на просторе. Крыша была широкой и плоской, поэтому упасть Поллианна не боялась. Наконец она с довольным вздохом свернулась на мешке с котиковой шубой, устроила под головой один мешок, накрылась другим и приготовилась уснуть.

— Как же я рада, что оконные сетки ещё не привезли, — прошептала она, сонно глядя на звёзды. — Иначе я бы здесь не оказалась!

А внизу, в своей комнате рядом с солнечной верандой, мисс Полли торопливо надевала халат и туфли. Лицо у неё было белым от испуга. Минутой раньше она дрожащим го-

лосом позвонила Тимоти:

— Скорее поднимайтесь — ты и твой отец. Возьмите фонари. Кто-то на крыше солнечной веранды. Должно быть, взобрался по решётке для роз или ещё как-нибудь. А через восточное окно чердака он, конечно, может попасть прямо в дом. Дверь на чердак здесь, внизу, я заперла. Только поспешите!

Спустя некоторое время Поллианну, уже задрёмывавшую, разбудили вспышка фонаря и три изумлённых возгласа. Она открыла глаза и увидела рядом Тимоти, стоявшего на верхней ступеньке приставной лестницы. Старый Том как раз выбирался из окна, а из-за его спины выглядывала тётя.

— Поллианна, что всё это значит? — воскликнула тётя Полли.

Поллианна сонно заморгала и села.

— Ой, мистер Том... тётя Полли! — пролепетала она. — Не пугайтесь так! У меня ведь не чахотка, как у Джоэла Хартли. Просто там было ужасно жарко. Но окно я за собой закрыла, тётя Полли, чтобы мухи не занесли внутрь эти... микробные штучки.

Тимоти вдруг исчез за краем крыши, спустившись по лестнице. Старый Том почти так же поспешно передал фонарь мисс Полли и последовал за сыном. Мисс Полли крепко закусила губу и дождалась, пока мужчины уйдут. Тогда она строго сказала:

— Поллианна, немедленно подай мне эти вещи и поле-

зай сюда. Ну и необыкновенный ребёнок! — вырвалось у неё чуть позже, когда она с фонарём в руке и Поллианной рядом повернула обратно на чердак.

После прохладного воздуха снаружи Поллианне здесь было ещё душнее, но она не жаловалась. Только глубоко и прерывисто вздохнула.

На верхней ступеньке лестницы мисс Полли отрывисто произнесла:

— Остаток ночи, Поллианна, ты проведёшь со мной, в моей постели. Завтра привезут оконные сетки, а до тех пор я считаю своим долгом держать тебя там, где всегда буду знать, где ты.

Поллианна затаила дыхание.

— С тобой? В твоей постели? — восторженно вскрикнула она. — Ах, тётя Полли, тётя Полли, как это чудесно с твоей стороны! Мне ведь так хотелось хоть раз поспать рядом с кем-то своим, родным, понимаешь? Не с дамой из благотворительного общества. С ними-то я уже спала. Надо же, как я теперь рада, что сетки ещё не привезли! А ты разве не рада?

Ответа не последовало. Мисс Полли шагала впереди. По правде говоря, она чувствовала странное бессилие. Уже в третий раз со дня приезда Поллианны мисс Полли её наказывала — и в третий раз с изумлением обнаруживала, что девочка принимает наказание за особую награду. Немудрено, что мисс Полли чувствовала странное бессилие.

Глава восьмая.

Поллианна идёт в гости

Вскоре жизнь в усадьбе Харрингтонов вошла в привычный порядок, хотя и не совсем в тот, какой поначалу установила мисс Полли. Поллианна шила, упражнялась в игре на пианино, читала вслух и училась готовить на кухне. Правда, на каждое из этих занятий уходило меньше времени, чем предполагалось. Зато у неё оставалось больше времени на то, чтобы «просто жить», как она сама говорила: почти всё время после полудня, с двух до шести, она могла делать что хотела — если только не захочет делать то, что тётя Полли уже запретила.

Трудно сказать, кому эти свободные часы давали больше отдыха: Поллианне от занятий или тёте Полли от Поллианны. Во всяком случае, в первые дни июля мисс Полли то и дело восклицала: «Что за необыкновенный ребёнок!» А после уроков чтения и шитья она каждый день чувствовала себя слегка ошеломлённой и совершенно измученной.

Нэнси на кухне приходилось легче. Она не чувствовала себя ни ошеломлённой, ни измученной. Среды и субботы стали для неё настоящими праздниками.

Поблизости от усадьбы Харрингтонов не было детей, с которыми Поллианна могла бы играть. Дом стоял на окраи-

не городка. Неподалёку были и другие дома, но ни в одном не оказалось мальчиков или девочек её возраста. Поллианну это, однако, ничуть не огорчало.

— Да нет, меня это совсем не огорчает, — объяснила она Нэнси. — Мне и просто гулять хорошо: смотреть на улицы, на дома, наблюдать за людьми. Я очень люблю людей. А ты, Нэнси?

— Не могу сказать, что люблю. Во всяком случае, не всех подряд, — коротко ответила Нэнси.

Почти каждый погожий день Поллианна просила дать ей «какое-нибудь поручение», чтобы отправиться гулять то в одну сторону, то в другую. Во время этих прогулок ей часто встречался Человек. Про себя Поллианна всегда называла его именно так, даже если за день встречала с десятков других мужчин.

Человек часто носил длинное чёрное пальто и высокий шёлковый цилиндр — ничего подобного обычные мужчины не надевали. Лицо у него было гладко выбрито и довольно бледно, из-под цилиндра виднелись чуть тронутые сединой волосы. Он держался прямо, ходил довольно быстро и всегда был один. Поллианне становилось немного жаль его. Наверное, поэтому однажды она с ним заговорила.

— Здравствуйте, сэр! Какой сегодня чудесный день, правда? — весело окликнула она его, подойдя поближе.

Человек торопливо огляделся, потом нерешительно остановился.

— Вы это... мне сказали? — спросил он резким голосом.

— Вам, сэр, — просияла Поллианна. — Я говорю, день сегодня чудесный, правда?

— А? Ах! Гм! — буркнул он и снова зашагал вперёд.

Поллианна засмеялась. До чего же забавный человек, подумала она.

На другой день он встретился ей опять.

— Сегодня денёк не такой славный, как вчера, но всё равно хороший! — весело сказала она.

— А? Ах! Гм! — буркнул Человек, как и накануне, а Поллианна снова радостно рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.